

**Энтони ДЕ КУРТИС,
американский журналист**

Отлично, Джордж, спасибо, что ты присоединился к нам. Всех волну-ет, как твои руки!

Идет съемка рекламного видео-фильма, который фирма «Уорнер бразерз» собирается продемонстрировать на ежегодном съезде американских фирм грамзаписи: «подобные фильмы, представляющие звезд фирмы, поднимают репутацию шоу-бизнеса и стимулируют работу финансового аппарата индустрии». Настроение в штаб-квартире «Уорнер бразерз» благодушно-неравнозначное: только что в магазины поступила пластинка Харрисона «Вершина блаженства», первая работа музыканта за пять лет. Мнение специалистов единодушно: «Вершина блаженства» — лучшая пластинка Джорджа после распада «Битлз», с нею может конкурировать разве что его тройной альбом 1970 года «Все должно пройти». Естественно, «Уорнер бразерз» возлагает на Харрисона большие коммерческие надежды, и сюжет с его участием должен стать кульминацией.

Все сюжеты низинаны на «связную тему» — бейсбол. А для «связки» приглашен известный спортивный комментатор Фред Роггин. Для американцев в год дубовых бит (в 1987 году отмечался юбилей американского бейсбола. — Примеч. пер.) это тема святая, и вот теперь Харрисон одет в полосатую футболку с длинными рукавами и черные джинсы и усажен в глубокое кресло. Он отвечает весело, по правилам игры.

— А, рука.. Все в порядке, Фред. Очень тронут твоим вниманием. Немного паратрудил, понимаешь, ритм-гитара — на моя стизия, пришлось изредно поработать, как вашим парням в последней сарки игр с «Хьюстоном»...

— Можно ли рассматривать название твоего нового альбома как скрытый намек на удачную игру наших «девятых»¹ в этом году?

— По-моему, этот год еще преподнесет нам приятные сюрпризы.

— Расскажи немного о своем альбоме, как ты его записывал?

— Хм, мы работали на Гаити, — оживляется Харрисон, рассчитывая на отступление от проклятого бейсбола. — Совсем немного мистики в песнях — все-таки Гаити! — но в тайна всегда есть прелесть...

— Отличная пластинка, Джордж! — перебивает комментатор, строго придерживаясь сценария. — Ты славно потрудился! И все-таки, как связать твои песни с названием пластинки?

— Ну что же, Фред, в жизни каждого игрока бывает случай, который представляется лишь раз в жизни, —

отвечает Харрисон, обходя, в соответствии со сценарием, заданный вопрос. — Помнишь, как Пол Молитор вырвал для своей команды кубок, сделал невероятную «свечу»? Это трудно объяснить словами, чтобы понять, надо самому выйти на поле.

Харрисон старается, но нелепый диалог и явное нежелание экс-битла выглядеть законченными идиотом ради рекламы своего альбома дают основания сомневаться в кинематографическом триумфе.

— Какое отношение все это имеет к пластинке?! — неожиданно взрывается он. — Вот что я хотел бы знать! — И вновь sinkаает.

Съемка окончена, Харрисон поглядывает на деловитых операторов.

— Я понимаю, у них были самые благие намерения, — говорит он. — В конце концов, они хотят угодить своим зрителям, которых, кроме бейсбола, ничего не интересуют. Я все понимаю, но какое отношение это имеет ко мне?!

За два месяца до описанной выше съемки:

— Похоже, вы здесь единственный американец, — говорит Харрисон, встречая меня на железнодорожной станции Хенли-он-Темз в пригороде Лондона, где он живет с женой Оливией и сыном Дхани. Я был предупрежден, что меня кто-то встретит, но никак не предполагал, что это будет сам Харрисон.

После распада «Битлз» Харрисон долгое время избегал журналистов — «ушел с линии огня», как он поет в одной из песен на «Вершина блаженства». Причиной затворничества стала невероятная психологическая нагрузка. Харрисону казалось, что жизнь превращается в бешеный поток, и все попытки преодолеть течение оканчивались неудачей. «Мы же были совсем мальчишками, когда оказались на гребне этой лавины, — вспоминает Джордж. — Только позже мы начали понимать, что на самом деле происходит. До этого у нас просто не было времени на раздумья. Мы мчались с одного концерта на другой, из студии записались в телестудию, и снова концерты, концерты...»

В результате всяческих сплетен от «битлз» начала отдаляться наиболее консервативная часть их поклонников — к сожалению, таких было большинство; этому в немалой степени способствовала и известная фраза Леннона о том, что «Битлз» более популярны, чем Иисус». Конфликт с публикой означал свободу, но они дорого заплатили за нее. «Какое-то время нас обожали, потом ненавидели, снова обожали и снова ненавидели, — говорит Харрисон. — Мы попеременно считались то милыми сорвиголовами, то ужасными бородами типки. И еще пресса... Она дозидила до такого маразма, что хотелось биться головой о стену. Мы прошли через все это и научились не обращать внимания».

И все это бурное время Харрисон-композитор оставался в тени Леннона

¹ По-английски пластинка называется «Cloud Nine», в буквальном переводе — «Девятое облако», но это фрезоологизм, означающий «блаженство, полное счастье». — Примеч. ред.

НОСТАЛГИЯ

и Маккартни. Ему было невероятно трудно заявить о себе, но он сумел это сделать, вначале как член «Битлз», потом — как самостоятельный исполнитель. Интерес Харрисона к восточной музыке и философии, впервые проявившийся в 1965 году во время съемок фильма «На помощь!», определил его дальнейшую судьбу, он же стал и основой его имиджа: суровый аскет, стоящий особняком среди героев поп-культуры. Чтобы освободиться от пут прошлого, Харрисон часто предпринимал довольно рискованные шаги — как в музыкальном плане, так и в общественно-социальном, словно желая доказать, что его уже ничто не связывает с «Битлз», что не следует воспринимать его лишь как бывшего члена самой популярной в мире группы.

Однако время шло, и события прошлого, казалось, перестали волновать его. В июне 1986 года вместе с Ринго Старром и группой друзей-музыкантов он выступил на благотворительном концерте в Лондоне, исполнив две песни

«Битлз». После этого решился на выступление вместе с Джоном Фогерти и своим старинным приятелем Бобом Диланом.

Усадьба Джорджа называется «Монастырский парк». В ней Харрисон проводит большую часть времени, она стала символом его замкнутой природы. Харрисон посвятил своему дому две песни — «Баллада о сэре Фрэнсисе Криспе» (так звали архитектора) вошла в альбом 1970 года, «Пряничный домик» включен в пластинку «33 1/3» 1976 года. Кроме того, «Монастырский парк» — великолепный плацдарм для Харрисона-садовода: это хобби он предпочитает не афишировать, так как считает, что оно несовместимо с образом рок-звезды, хотя и потускневшей.

Несмотря на то, что Харрисон почти исчез из поля зрения поклонников (особенно на фоне впечатляющего сольного творчества Леннона и Маккартни), он отнюдь не бездействовал. В 1971 году по просьбе своего друга, известного индийского ситариста Рави

Шанкера, Харрисон организовал концерт в помощь голодающим Бангладеш. В 1974 году совершил большое турне по Америке в сопровождении собственной группы и целого оркестра индийских музыкантов. Потом издал автобиографию, основал кинофирму «Хэндмейд филмз», постепенно ставшую весьма уважаемой в английском кинематографе. В том же 1974 году Харрисон создал собственную фирму грамзаписи «Темная лошадка» — он принимал участие в записях самых различных исполнителей, продюсировал их пластинки, сам регулярно выпускал сольные альбомы и синглы; одиннадцать его композиций в разное время входили в хит-парад американского радио.

Однако неудача последней сольной работы, валого, безжизненного альбома 1982 года «Gone With Her» в определенной степени повлияла на его отношение к музыкальной индустрии: нельзя сказать, что и раньше он питал какие-то иллюзии, но теперь уже можно было говорить о полном разочаровании. «Мне кажется, ему все стало безразлично, — сказал недавно Гэри Райт, старинный друг Харрисона и соавтор нескольких композиций, вошедших в последний альбом. — Это обычное дело, особенно, когда долго работаешь, а пластинка получается неудачной: все валится из рук и нет ни малейшего желания повторять эти муки».

Кроме того, перспективы развития популярной музыки в 80-е годы навели Харрисона на самые грустные мысли. «Всем как-то сразу расхотелось думать, и музыка стала такой одинаковой! Вот это-то и угнетало меня. мода на глупость либо убивает настоящих художников, либо превращается в ширму, отгораживающую их от людей. Знаете, было время, когда меня буквально трясло от такого идиотизма, но сейчас... как-то привык и вообще перестал реагировать».

Дойдя до состояния полного безразличия, Харрисон тем не менее продолжал писать песни — он даже время от времени встречался с друзьями, чтобы поиграть в свое удовольствие. Особенно часто музицировал с Дэвидом Гилмором из «Пинк Флойд», Миком Ральфсом из «Бэд компани» и Элином Ли, бывшим лидером группы «Десять лет спустя». И вот в начале 1985 года он почувствовал, что готов к записи альбома. Следовало выбрать продюсера. Харрисон сразу же подумал о Джеффе Линне, хотя они никогда не работали вместе и даже ни разу не встречались: группа Линна, «Электрик лайт оркестра», играла музыку, в которой прослушивалось явное влияние «Битлз», но дело было не только в том. «Он гитарист, он композитор, он знает, что такое успех, — говорит Харрисон о Линне. — Прослушав его записи, я решил, что вместе мы можем кое-чего добиться. Оставалось найти человека, который вошел бы с ним в контакт и объяснил, что мне надо, — я считал, что необходимо заранее расставить все

точки над «i», чтобы не было никаких недоразумений».

Приглашение передал их общий знакомый Дэйв Эдмундс, известный гитарист и продюсер. «В то время я был в Лос-Анджелесе, — рассказывает Линн. — Пришел Эдмундс, мы о чем-то разговаривали, и потом, как бы между прочим, он сказал: «Чуть не забыл, Джордж Харрисон говорит, что хотел бы пригласить тебя для продюсирования нескольких его песен». Представляете, чуть не забыл! Да если бы мне предложили выбрать музыканта, с которым я больше всего хотел бы работать, я назвал бы именно Харрисона!»

Вначале речь шла только о продюсировании, но после нескольких встреч Харрисон намекнул Линну на свое желание писать музыку вместе. «Понимаете, вначале я выжидал, все-таки предстояло сделать ответственный шаг. Возможно, думал я, но тактичный человек — по крайней мере, производит такое впечатление, — но нет никакой гарантии, что он не поднимет меня на смех после моего предложения. В конце концов, моя последняя пластинка могла бы дать для этого основания, но... это же моя пластинка!» Они встретились еще несколько раз, а когда Харрисон работал над композицией «Шанхайский сюрприз» (эта песня вошла в одноименный фильм с участием Мадонны; продюсером фильма также был Харрисон. — Примеч. пер.), Линн помог ему с аранжировкой. Они продолжали встречаться, проигрывали друг другу свои сочинения и, не заключив никакого формального соглашения, как-то незаметно для себя стали работать вместе.

Известность пришла к Линну еще в 60-е, когда он был участником группы «Муз», позже он достиг статуса «суперзвезды» вместе со своей группой ЭЛЮ, но в тот момент, когда появился Харрисон, Линн был не у дел: дискосмифонии наскукило, а ничего нового на ум не приходило. Так что предложение Харрисона было очень кстати. Две недели января 1967 года были посвящены обработке основных тем семнадцати новых композиций. Постепенно число песен сократилось до одиннадцати, они и вошли в пластинку, записывать которую помогали гитарист Эрик Клэптон, барабанишки Ринго Старр, Джим Калтнер и Рэй Купер, клавишники Элтон Джон и Гэри Райт, саксофонист Джим Хори.

Несмотря на то, что музыканты сотрудничали с ним временно, у Харрисона появилось чувство, будто он снова играет в группе: «Битлз» были маленькой командой, и работа с Линном напомнила мне те времена: у нас общая ответственность, общие идеи». Присутствие Ринго сделало запись еще более приятной и добавило Джорджу уверенности. «Ринго — это я, только с барабанами. Я тоже в последнее время нечасто беру в руки гитару. Ну и практики не хватает. А Ринго может

месяцами не садиться за свои бокошки, но когда берет в руки палочки, подтягивает барабаны, то начинается настоящий рок — он играет как в те годы!»

Харрисон и Линн независимо друг от друга выбрали одни и те же песни для нового альбома. «Получается, о звуковой пропорции композиции мы рассуждаем одинаково, — говорит Линн. — По мнению Джорджа, большинство пластинок современных английских групп, записываемых при помощи самого сложного компьютерного оборудования, страдают ее отсутствием. Харрисон очень настороженно относится к компьютерной музыке».

Линн считает, что Харрисон прекрасно аранжирует свои произведения, добиваясь многого и насыщенный звучания. «Джордж — король гитарного рок-н-ролла, его скользящая манера игры — как личное клеймо мастерского высочайшего класса. Вы только послушайте его дуэль с Клэптоном в заглавной композиции!» В балладах «Только сегодня», «Где-то еще» и «Вздох с небес» есть настроение спокойного созерцания, а нем — смысл духовной жизни Харрисона. Первая композиция пластинки — «Я думаю только о тебе», которую написал Руди Кларк и впервые спел известный блюзмен Джеймс Рэй, — в исполнении Харрисона звучит как истинный неотшлифованный рок-н-ролл, один из тех, которые сформировали его музыкальный вкус и которые он до сих пор предпочитает всем остальным формам музыки, если не считать восточную и еврейскую классику. А композиции «Это любовь», «Какой ценой все достается» и «Рыба на песке» отражают взгляды Харрисона на современную музыкальную культуру.

Беспечная и, казалось бы, незатейливая песенка «Осколок вечерней звезды» бросает вызов одномерному образу Харрисона, созданному музыкальной прессой: мечтательный, вечный юный старик, копошащийся в огороженном стенами «Монастырском парке» садике. «Не знаю, задумаются ли люди над строчкой «Но он же стареет!» — говорит Харрисон, который в свои сорок пять лет выглядит как благообразный джентльмен. — И дело не в самом процессе старения — мне кажется, люди должны задумываться о том, что нас все ждет. Песня получилась просто: я как-то беседовал вслух сам с собой — появилась такая стариковская привычка, и первые строки легли как-то очень легко. «Ну и молодец ты», — подумал я и стал продолжать там дальше. А вышла злобная атака на прессу!»

Разгром «поганных газетчиков», начатый в «Осколке вечерней звезды», продолжается в песне «Дьявольское радио». Харрисон все еще чувствует боль от уколов прессы, непрерывно перемывавшей кости «Битлз» в течение всей карьеры группы. В семидесятые годы та же самая пресса раздула отношения между первой женой Харри-

сона Пэтти Бойд и его близким другом Эриком Клэптоном до масштаба международного скандала, а когда Джордж пригласил Пэтти и Эрика, ставши уже мужем и женой, для участия в записи песни «Прощай, любовь!» (эта песня вошла в альбом Харрисона «Темная лошадка», 1974 год. — Примеч. пер.), из офисов бульварных газетенок доносился громкий вой.

«Я прошел через газетную травлю, я был объектом этой травли, и, возможно, этим дело не кончилось, — говорит Харрисон в песне «Дьявольское радио». — Однажды я проходил мимо церкви — где-то в маленьком городке в Англии, и на доске объявлений увидел плакат: «Сплетня — это радио дьявола. Не становитесь его диктором!» Я всегда был в стороне от сплетен, зато... тоже внес свою лепту, поскольку был человеком, позволявшим сплетничать о себе. Какие же маленькие люди сплетники!»

Прелестная композиция в духе начала 60-х «Когда мы были знамениты» — совершенно ясно, что Харрисон говорит о «Битлз», — была задумана еще до начала работы над пластинкой «Вершина блаженства». Харрисон и Линн отправились по делам в Австралию, одновременно пробуя варианты песни, рабочее название которой в то время было «Волшебная четверка». Приятели забрали в маленькое кафе, Джордж попросил у местных музыкантов гитару: «Вдруг, когда я взял подряд несколько аккордов, получилось что-то очень похожее на ранние песни «Битлз» — я услышал, как Ринго колотит в моей голове по барабанам, вот так: раз, раз, да-да-бум, да-да-бум, и...»

Вернувшись домой, Харрисон и Линн продолжали изменять ритм, пока не получилась бодрая танцевальная мелодия. Обойтись без Ринго было невозможно, и сейчас мы слышим в композиции характерное постукивание басового барабана, «фирменный знак» Старра (однако Харрисон считает, что Ринго можно безошибочно опознать по двойным дробям). Сам Джордж в последней части играет на гитаре. «Ничего серьезного, так, шутка», — говорит Харрисон о тексте этой песни, в которой даже есть элементы самопародии. И тем не менее ностальгию по шестидесятым, пронизывающую эту вещь, почувствует любой, помнящий то десятилетие.

Куда более грубой формой эксплуатации наследия «Битлз» стал коммерческий ролик фирмы «Найк», в котором используется гимн 60-х, песня Леннона «Революция» — здесь она рекламирует «революцию в обувном деле!» Старр, Харрисон, Маккартни и Йоко Оно подали в суд на «Кэпитол рекордз», записавшую жалкую пародию на одну из самых сильных вещей «Битлз». Инстанции рассматривали иск, а рекламный ролик в сопровождении искалеченной песни регулярно выходил в эфир. Поскольку конца этому не было видно, Йоко предложила ком-

промисленный вариант: если фирма так хочет забавляться именно «Революцией», то не лучше ли воспользоваться оригиналом?! В конце концов, теперь с экранов звучит голоса «Битлз». «Ох уж эти «всемогушние», у которых есть права на все! Точнее — они считают, что у них есть право распоряжаться всем, — с отвращением говорит Харрисон о приобретении Майклом Джексоном авторских прав на песни «Битлз», записанные фирмой «Кэпитал рекордз». — Мне кажется, нам следует быть более непреклонными, хотя Йоко навела нас на правильную мысль. В конце концов, она законная наследница Джона, и в решающем голосе есть и ее четвертая часть».

«Историю «Битлз» можно представить и так, — продолжает Джордж. — Жили-были четыре бестолковых парня, которые по-дурацки обращались со своим трудом и разбрасывались пластинками направо и налево. Мы могли бы уже тогда позаботиться о лишние миллионах, но нам казалось, что такая мелочность пойдет во вред песням, да и образ «Битлз», и так изрядно пострадавший от прессы, пострадал бы еще больше. Как сказал Боб Дилан, «Деньги не говорят, они богохульствуют». Есть люди, которые все измеряют деньгами, это люди без принципов. А у нас они есть».

Попытки Харрисона проникнуть в глубины восточной философии, его опыты с индийской народной музыкой оказали огромное влияние на молодую культуру Запада, став на время даже чем-то вроде моды. Постепенно образ Харрисона в глазах поклонников менялся: из «самого спокойного битла», как когда-то его окрестили журналисты, он превратился в «самого серьезного» — столь же незаметно Харрисон отгораживался своими убеждениями от остального «материального мира», в котором жили холодные прагматики, а также те, кто сомневался в искренности его убеждений.

За эти годы он почти не изменился, хотя суждения по некоторым вопросам стали менее категоричными. «Черт возьми, это действительно ужасно!» (это я его спросил, что он думает по поводу упадка английской глубинки за годы правления Маргарет Тэтчер), и вдруг: «Но какой смысл говорить об этом, ни вы, ни я не знаем правильного решения!» — а лет пятнадцать назад Харрисон не проронил бы прорваться по адресу правительства. Бунтаря больше нет, остался усталый буржуа? «Но я же и вправду не знаю ответа — мне кажется, все идет от болезни наших душ, прежде всего каждый должен разобраться в самом себе: чем больше появятся людей, обладающих душевной силой, я бы сказал, душой разумом, тем убедительнее прозвучит из голос в борьбе за переустройство нашего мира».

Для понимания глубины его поисков слушателю необходимо понять не только музыку этого человека, но и

его самого. «Когда я был моложе и плыл по течению, однажды пришла мысль: «Кто я, зачем живу?» Вы можете сказать, что этот вопрос задают себе все молодые люди, но многие ли нашли на него ответ? В те годы я очень хотел найти истину, я до сих пор ищу ее и, может быть, никогда не найду. Но я начал понимать себя, а значит, и других, вас, например, — улыбается Харрисон. — По-моему, в юности я был более многословным, видимо, из-за недостатка знаний и опыта. Сейчас знаний прибавилось, они во мне, и нет смысла напрасно сотрясать воздух».

Ступенью на пути к душевному равновесию стало рождение ребенка, сейчас Дхани уже девять. «Иногда размышления доводили меня чуть ли не до безумия, и когда родился сын, я подумал: «Надо немного пожалеть себя, пусть у ребенка будет здоровый отец». И, знаете, быть отцом — это чертовски здорово! А все разговоры о проблемах взаимопонимания между людьми не стоят ломаного гроша, если вы не научитесь понимать своего собственного ребенка, а он — вас, это и есть школа «народной дипломатии».

В чем-то Харрисон прав, прошлый год, впрочем как и позапрошлый, стал годом разговоров о стыках поколений: двадцатилетие пластинки «Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппара», триумф групп шестидесятых годов — эти события не случайно так широко освещаются в прессе, это еще раз доказывает, что поколения шестидесятых и восьмидесятых прекрасно ладят друг с другом и лаяются, по сути, одним целым. Что же означает для Харрисона этот взгляд назад, в прошлое?

«Мне кажется, главным образом это все-таки ностальгия. Мои сверстники просто вспоминают, за каким занятием их застала, например, наша песня «Я хочу держать тебя за руку». Другое, в том числе и я, помнят шестидесятые по трагедии президента Кеннеди. Но для многих взгляд в шестидесятые связан либо с историей «Битлз», либо с ностальгией по ним».

Какой это имеет смысл сегодня? Как мне кажется, для большинства молодых людей интерес к прошлому означает воскрешение надежд на будущее. В конце концов, музыку «Битлз» слушают не только потому, что это музыка «Битлз», но и потому, что это музыка — нынешние подростки прекрасно в ней разбираются, сравнивают с другой музыкой и какой делают вывод?»

Отдельные представители нового поколения заглядывают даже в такое прошлое, в котором еще не было «Битлз». «Например, мой сын, — продолжает Джордж, — он одержим музыкой Чака Берри. Когда я выступал на благотворительном концерте в Лондоне, Дхани впервые увидел меня на сцене перед публикой, с гитарой в руках. Кое-что о «Битлз» он, конечно, знал, но немного, я никогда не подталкивал его к нашей музыке, никогда не гово-

рил: «Вот, видишь, кем был твой отец!» Так вот, на концерте я сделал две свои песни «Сюда придет солнце» и «Моя гитара тихо плачет». На обратном пути я спросил его: «Ну, и что ты думаешь?» Он ответил: «Ты мне понравился, папа, было очень здорово», немного помолчал и вдруг выпалил: «А почему вы не исполнили «Чем я хуже Бетховена!», «Джонни, будь послушным» и «Рок-н-ролл мюзик»? Я лишь пожал плечами: «Но, Дхани, ты же был на концерте Чака Берри!»

Нельзя сказать, что Харрисон окончательно расстался со своим прошлым, несмотря на то, что «Вершина блаженства» позволяет ему уверенно смотреть в будущее. Выступление в позапрошлом лондонском концерте тоже напомнило о прошлом. После того как Джорджу предложили выступить, позвонил Ринго: оказалось, что его тоже пригласили, и так же, как и Джорджа, не предупредили, что они оба будут участвовать. «Ринго что-то рассказывал о своем внуке, — улыбается Харрисон, — и потом захотел буркнуть: «Тут звонят целыми днями, говорят, я им нужен на каком-то концерте, но не могу же я играть без тебя». В этом весь Ринго: друг на всю жизнь. Но я поначалу изрядно — нет, я не сомневался в Ринго ни на секунду, просто я понял, что кто-то вновь вытаскивает эту чушь о воссоединении «Битлз». Кажется, этот миф будет жить вечно! Понимаете, — оживляется Харрисон, — одно дело, когда я выступаю один или даже с Ринго, но все равно не как «Битлз». Если я когда-либо и выйду на сцену в качестве бывшего члена группы «Битлз» — «Битлз» больше нет, и не может быть без Джона! — то я обязан подготовиться к этому событию, потому что это буду уже не я, а часть того, о чем мы с вами говорили».

Итак, опять вспышка брада под названием «Битлз» воссоединяются? Увы — или слава богу! — этого не произошло, да и вряд ли произойдет, но Джордж и Ринго выступили вместе, в конце концов, это хоть какие-то сбывшиеся надежды. «Я понял главное, — говорит Харрисон, — мои друзья — Эрик Клэптон, Боб Дилан, Ринго, все остальные — уже немолодые люди, но мы не старики. Это как старое вино: чем почтеннее возраст, тем тоньше вкус. И еще, с возрастом мы становимся проще в общении, пропадают юношеские амбиции, детская зависть к успехам друг друга, и ничто не мешает работать в полную силу. К сожалению, к этому приходишь только в зрелом возрасте. Но главное — непосредственность контактов. Наверное, он говорит о контактах с тем самым «материальным миром». Что ж, у Харрисона появилась новая идея, точнее — идея, новая для Харрисона, и это значит, что сейчас он на вершине блаженства».

Перевел с английского
С. НАСТАЛЬСКИЙ